

Приглашения король разослал заранее, но Джули решила прийти лишь после того, как утром Рафаэль велел ей явиться. Облачившись в лёгкое платье, выгодно подчёркивающее стань, и наложив будто бы небрежный, но на деле тщательно продуманный макияж, оттеняющий её красоту, она слегка обмахивалась веером, приняв томную и кокетливую позу.

— Ты выглядишь невеселым, в чём дело, дорогой?

— Разве это заметно? — Ричард II, несмотря на возраст, всё ещё изображал меланхоличного юношу.

К счастью, у Джули был друг, отец Джо, чья «меланхолия» превосходила королевскую в сто крат, так что она была к этому готова и знала, какие слова откроют собеседнику душу.

— Ты словно одинокий челн на берегу — не заметишь тебя просто невозможно.

— О, моя леди.

— Ваше величество.

После нескольких оперных реплик Джули наконец дождалась от короля более искренних слов:

— Мне кажется, жена меня совсем не понимает и не заботится обо мне. Брак по расчёту — скверная затея. Мне нужна та, что сможет ухаживать за мной в быту, понимать и поддерживать в мире духовном. Понимаешь, о чём я?

Мисс Джули, разумеется, понимала, но Ричард II был достаточно стар, чтобы быть её отцом, поэтому она ответила:

— Понимаю, Ричард. Я даже больше тебя желаю, чтобы твой брак был счастливым и прочным. Старики говорят, общение — мост в семейной жизни. Почему бы тебе не попробовать спокойно сесть и поговорить с супругой? Я знаю Екатерину, она одна из моих ближайших подруг с тех пор, как я прибыла в Лондон. Она женщина кроткая и добрая. Помнишь, что она писала в своей книге?

— Повинуйся велениям мужа, храни молчание на собраниях и во всём советуйся с ним дома. (Цитата из подлинной книги королевы Екатерины Парр.)

— Но сама-то она этого не исполняет! — воскликнул Ричард II.

Джули сохраняла прекрасную улыбку, но в душе думала: какая женщина на это способна, та и дура, согласишься? — А знаешь, почему я когда-то сбежала от жениха?

— Почему?

— Потому что после замужества я осознала: любовь способна сделать женщину прекраснее, но брак легко превращает её в собственницу, ревнивицу и тирана. Не все, конечно, но я — точно. Не желая становиться этим чудовищем, я бежала из семьи, что меня душила.

— Что же тебя изменило? Он плохо с тобой обращался? Я могу...

— Нет, как раз потому, что обращался слишком хорошо. Я день ото дня любила его всё сильнее, и это же заставляло меня сходить с ума, стоит ему исчезнуть из виду хоть на миг. — Джули разыграла целое представление, причём безупречно — во Франции этот приём уже сработал, и бывший муж её действительно простил.

— Чем сильнее сжимаешь, тем быстрее ускользнёт, — принялся утешать Джули Ричард II.

— Верно. Потому, осознав это, я и оставила надежды на брак. — Джули взяла короля за руку — иногда стоит дать собеседнику немного сладости, но лишь немного.

— Почему бы не дать браку ещё один шанс?

— А ты? Дал бы шанс Екатерине?

— Ладно, ты права. Я попробую, но надежд не питаю.

— А я надеюсь всей душой, что ты обретёшь счастье.

— И я тоже.

...

Покидая дворец, Рафаэль в коридоре у внутреннего двора столкнулся с наследным принцем, Принцем-Пирожком. Малыш оставался малышом, лишь превратившись из неуклюжего толстого пингвинчика в менее неуклюжего ребёнка. Одетый в роскошные одеяния, униженные самоцветами и шёлком, он всё больше походил на гордого принца империи.

Принц никогда не говорил об этом Августу, но Рафаэля он побаивался — особенно когда тот смотрел на него без свидетелей: взгляд был холодным, будто перед ним уже был труп, не заслуживающий ни капли участия.

Однако принц всё же подошёл к Рафаэлю и поздоровался первым:

— Доброе утро.

Таков был неписанный придворный закон: если вышестоящий не здоровается первым, нижестоящему говорить не подобает, иначе сочтут невежей. Многие дамы, чьи мужья или отцы обзавелись юными фаворитками, пользовались этим: отказывались заговаривать первыми, наслаждаясь смущением и неловкостью тех, кто вынужден был молча стоять в стороне.

Разумеется, такие женские уловки легко обойти. Взять хотя бы Джули — многие пытались поставить её в такое положение, но она всегда находила изящный выход. Ведь подобные игры пошли из французского двора, а Джули, выросшая в той среде, давно изучила все приёмы.

— Доброе утро, ваше высочество, — Рафаэль никогда не позволял себе бестактности. Он остановился на багровом ковре и откланялся с безупречной точностью — будто по линейке, идеальнее некуда.

— Погода сегодня редкостно хороша, не правда ли? — начал принц с обычной светской темы.

— Так и есть, — улыбка Рафаэля по-прежнему была безупречна. — Солнце сияет, прекрасный день для прогулок.

— А что привело вас во дворец? — Долго вилять принц не умел, быстро переходя к сути. Ему было любопытно, отчего Рафаэль, у которого должны быть каникулы, здесь появился.

— Гулял с Филипом, заодно занёс во дворец подарок от Ола.

— А мне что-нибудь есть? — Принц старался не выказывать излишней надежды — с годами он научился сдерживаться куда лучше, но для столь опытного глаза, как у Рафаэля, следы ожидания всё же проступали.

— Сожалею, на сей раз — нет, — с лёгким сожалением покачал головой Рафаэль.

Мисс Мария к сводным братьям и сёстрам питала некоторую неприязнь — не сильную, но, уехав и обретя свою жизнь, она редко о них вспоминала. Конечно, по праздникам подарки она присылала исправно, но не с такой частотой, как Август и королева Екатерина.

— О... — Принц поник, стараясь сохранить маску безразличия. — Я просто так спросил, не стоит обращать внимания. Как поживает Ол?

— Всё ещё воюет с геометрией, — в уголке губ Рафаэля дрогнула тёплая улыбка.

— А я могу его навестить? — Принц вновь попытался оживиться. — Как вы сказали, погода чудесная, самое время для прогулок!

— Боюсь, что нет, — мягко, но твёрдо отказал Рафаэль. — Он сейчас наказан: пока не выучит, никаких развлечений.

— Пожалуйста, не будьте к нему слишком строги, — принцу было жаль кузена.

— Я знаю меру, — Рафаэль вновь обрёл ту неестественную, словно нарисованную улыбку. Ему претило, когда кто-то вмешивался в его отношения с Августом. — Если вам скучно, ваше высочество, возможно, стоит поиграть с мисс Елизаветой.

— Лиза вечно пропадает неизвестно где, ещё с тех пор, как Мария не уехала в Оксфорд, — принц дёрнул ногой, стукнув носком лакированного башмачка, и стал выглядеть ещё унылее.

Мисс Елизавета всегда была при дворе словно тень — неприметная, незначительная. Даже когда мисс Мария была здесь, та ухитрялась исчезать бесследно, а уж теперь, когда её никто не таскал за собой, и подавно.

— Сочувствую, — произнёс Рафаэль, не чувствуя ни капли сожаления.

— Ничего, я и один могу прекрасно развлечься, — фраза прозвучала так, будто принц говорил её скорее для себя.

Рафаэль же с «искренним» видом принял это за чистую монету, откланялся и удалился — легко и бестрепетно.

Вернувшись домой, Рафаэль успел заметить, как неясный силуэт Августа метнулся вверх по лестнице, а старый дворецкий внизу тщетно пытался прикрыть стол, усеянный крошками и остатками запрещённых лакомств. Очевидно, в отсутствие Рафаэля Август успел натворить дел.

Август же надеялся, что вид обиженного поможет ему избежать сегодняшних занятий.